

За час до заката солнце перестало быть таким палящим, как днём. Страдания омег на полигоне несколько уменьшились. Их кожа была белой, и после всего лишь полдня загара она стала на тон темнее. Во время перерыва многие омеги тайно жаловались. Некоторые смельчаки подходили к инструктору, спрашивая, можно ли им в следующий раз стоять смиренно в тени.

Бета-инструктор слушал нежные жалобы омег. Они словно были группой домашних кошек, которые нежно мяукали у его ног. Он потерял дар речи.

Тун Цинхэ был почти полностью покрыт солнцезащитным кремом. Его состояние было намного лучше, чем днём. Он сидел на траве в тени дерева, слушая их жалобы, оставаясь спокойным. Он не присоединился к ним и не жаловался.

Цзян Шаочжи принёс ему две бутылки воды. Тун Цинхэ выпил одну и, открутив вторую, только собрался пить, как увидел, что один из омег из его общежития выглядит неважно. В то время как другие были красными и горячими от солнца, его лицо было необычно бледным.

Тун Цинхэ помнил его. Он был единственным, кто поздоровался с ним в общежитии утром. Хотя его отношение было холодным и отчуждённым. Тун Цинхэ подошёл к нему и протянул открытую бутылку воды, которую ещё не пил.

— Ты выглядишь неважно. Может, тебе попросить инструктора отпустить тебя отдохнуть?

Омега вздрогнул, удивлённо посмотрев на Тун Цинхэ.

Лоб омеги был покрыт влажным потом. Тун Цинхэ полез в карман, достал чистую салфетку и протянул ему:

— Вытрись.

За исключением того, что омеги любили объединяться в группы и сплетничать, они не были злыми. Этот омега, изначально такой холодный, нерешительно принял воду и салфетку, тихо сказав «спасибо».

Выпив воды, омега лишь немного пришёл в себя. Его губы оставались бледными. Увидев, что Тун Цинхэ всё ещё смотрит на него, он отвернулся:

— Я в порядке. Я верну тебе воду и салфетку в следующий раз.

Омега закончил говорить и обернулся, но был поражён.

Тун Цинхэ уже ушёл. Он, видимо, заметил его дискомфорт и намеренное избегание, и Тун Цинхэ, прекрасно осознавая это, решил не беспокоить его.

Сам омега всегда был нелюдим. Он думал, что только он такой странный. Он не ожидал, что его сосед по комнате будет таким же.

Тун Цинхэ снял кепку, то и дело обмахиваясь, чтобы создать ветерок. Он не сидел в кругу, как другие омеги, а один на пустом месте. Через несколько минут рядом с ним появился человек.

Омега, видимо, не привык к близкому общению. Он напряжённо и холодно сказал:

— Меня зовут Цзи Вань.

Тун Цинхэ ответил:

— Меня зовут Тун Цинхэ.

Один был холоден, другой был спокоен, погружённый в свой мир. Они обменялись именами и в молчании разошлись. В последние полчаса инструктор свистнул, призывая их собраться. Омеги нехотя собрались. Их мысли уже были не о строевой подготовке.

В последние пять минут издалека показалась фигура. Цзян Шаочжи сел, широко расставив ноги, на ступеньках немного поодаль. Тун Цинхэ резко пришёл в себя, его мысли улетели.

С последним свистком инструктора Тун Цинхэ закончил свой первый день тренировки. Он побежал в сторону ступенек. Тепло, исходящее от него, коснулось Цзян Шаочжи. Его щёки были мокрыми от пота, но выглядел он вполне бодрым.

— Дядя, почему ты опять пришёл раньше?

Цзян Шаочжи повёл его в другом направлении. Тун Цинхэ поспешно последовал за ним, оглядываясь на толпу, идущую в противоположном направлении:

— Куда мы идём?

Цзян Шаочжи сказал:

— Пойдём ко мне, помоешься.

Ладонь альфы была влажной от пота. Тун Цинхэ подтянул штанину. Брюки, пропитанные потом, липли к ногам. Он не сказал ни «да», ни «нет».

Пройдя через большой тренировочный район альф, они вышли на улицу, где стояли два ряда высоких платанов, словно стройные, высокие солдаты. Ветер, проходящий сквозь кроны, приносил запах листьев. Они шли по улице Платанов к красно-белому многоквартирному дому. Цзян Шаочжи провёл картой и направился прямо на четвёртый этаж.

Квартира была достаточно просторной по сравнению с общежитием. Одна спальня, гостиная и ванная. На балконе стояло несколько зелёных растений. Часть лозы уже обвила деревянную решётку, полная жизни. Тун Цинхэ поправил их. В этот момент стемнело. Включился весь свет в гостиной. Цзян Шаочжи нашёл себе свободную одежду, настроил температуру воды в ванной и велел ему идти мыться.

Тун Цинхэ, держа одежду, спросил:

— Дядя, ты куда?

Кухня была открытой. Цзян Шаочжи взял горсть лапши, поставил кастрюлю на огонь и налил воду. Альфа в грязной тренировочной форме, весь в грязи, стоял у плиты и размешивал лапшу. Картина источала уют.

Тун Цинхэ молча наблюдал. Он забежал в ванную и быстро помылся. Выйдя, он оставил на деревянном полу мокрые следы ног. Цзян Шаочжи забыл дать ему тапочки.

Одежда Цзян Шаочжи была слишком велика для него и висела на нём, развеваясь. Цзян Шаочжи поднял глаза, не удержался и рассмеялся, затем, обняв Тун Цинхэ, посадил его на кухонный стол:

— Слишком худой.

Две руки Тун Цинхэ вместе не были такими сильными, как одна рука Цзян Шаочжи. Он поджал губы и начал мокрыми пальцами ног дразнить одежду Цзян Шаочжи. Это было небольшое озорство, которое не выглядело слишком навязчивым. Цзян Шаочжи позволял ему это.

Когда лапша сварилась, Цзян Шаочжи достал её, посыпал гарниром и соусом. Он наполнил одну большую миску и одну поменьше, и поставил их на поднос.

Цзян Шаочжи одной рукой обнял Тун Цинхэ, а другой взял поднос. Тун Цинхэ обхватил шею альфы, боясь упасть, и висел на Цзян Шаочжи, как кенгуру.

Большую миску с лапшой он подвинул Тун Цинхэ. Тун Цинхэ самовольно поменял её на миску поменьше, а кусочки мяса в его миске один за другим переложил в миску Цзян Шаочжи. Он неожиданно стал озорным, добродушно улыбаясь:

— Папочка, кушай. Это... в знак уважения.

Цзян Шаочжи:

— ...

Хрясь. Палочки в его руке сломались.

Тун Цинхэ уставился на сломанные палочки, затем сосредоточился на еде, делая вид, что не замечает странностей Цзян Шаочжи.

У обоих уши сильно покраснели. Феромоны сандала бесцеремонно окутывали омегу.

Чем сильнее аромат феромонов, тем сильнее внутреннее волнение альфы.

Глаза Тун Цинхэ были влажными и блестящими. Он тихо поднял их, потом снова опустил. Цзян Шаочжи сказал:

— Повтори это ещё раз?

Тун Цинхэ испугался. Его храбрость всегда была лишь мгновенным порывом. Он поспешно затряс головой, готовясь уйти, но Цзян Шаочжи потянул его за собой, направляясь к ванной.

В «Законах воспитания альфы» говорилось, что для успешного воспитания альфы нужно уметь удивлять его, дарить ему неожиданные сюрпризы. Этот сюрприз обычно должен быть связан с изменениями в себе.

Пользуясь его удивлением, нужно заставить его сердце подчиниться.

Тун Цинхэ понадобилось много мужества, чтобы сделать этот шаг. Его худое тело неловко втолкнули в ванную. Цзян Шаочжи грубо включил душ. Брызги воды тут же промочили Тун Цинхэ, только что переодевшегося.

Волосы, мокрые и прилипшие к щекам. Тун Цинхэ провёл по ним рукой. Внезапно он взлетел в воздух, ноги оторвались от земли. Он беспорядочно дёрнул ногами в воздухе. Руки альфы были сильными, он крепко прижал его к плитке.

Цзян Шаочжи тихо, но угрожающе сказал:

— Повтори ещё раз?

Тун Цинхэ стиснул свои маленькие зубы. Его глаза покраснели, он не издал ни звука.

Цзян Шаочжи:

— Онемел?

Тун Цинхэ снова ударил Цзян Шаочжи ногой. Вода из душа била ему в глаза, он не мог их открыть. Цзян Шаочжи специально открыл воду на полную мощность. Он несколько раз закашлялся. Через мгновение рука на его плече ослабла. Его ноги освободились. Он прислонился к мокрой плитке. Щёлк. Дверь ванной заперлась. Цзян Шаочжи не выпускал его.

Рука Тун Цинхэ, опиравшаяся на плитку, скользнула. Он неуверенно сказал:

— Дядя...

Цзян Шаочжи стоял у двери, как гора. Сквозь занавес из водяных струй в его глазах мелькала едва заметная улыбка.

В руководстве по воспитанию говорилось, что своего омегу можно баловать, но и нужно воспитывать. Они от природы горделивы, и если им дать волю, они начнут топтать тебе по голове.

Цзян Шаочжи тоже молчал. Одежда на обоих была мокрой. Вода струилась по полу. Цзян Шаочжи медленно развязал мешочки с песком на своих голених. Шлёп. Они упали, напугав Тун Цинхэ.

Он поднял глаза. Движения Цзян Шаочжи были быстрыми и ловкими. Тун Цинхэ, глядя на альфу, почувствовал сухость во рту. Он отвёл глаза, словно совершил что-то нечестное. Он медленно подошёл к Цзян Шаочжи, положил руки на грудь, намеренно загораживая его, не позволяя прикасаться.

Сердце Тун Цинхэ бешено колотилось. Он не смел смотреть по сторонам:

— Я, я хочу выйти и поесть лапши.

Цзян Шаочжи убрал руку с дверной ручки и схватил Тун Цинхэ за тыльную сторону ладони:

— Малыш, осмелился на проступок, но не хочешь признать?

Дыхание Тун Цинхэ перехватило. Его глаза сузились. Он тихо умолял:

— Я, я был неправ...

Влажный, горячий пар окутывал небольшое пространство ванной. Смешанный с густым сандалом. Жасмин постепенно просачивался. Влажный, горячий воздух усиливал смешивание двух феромонов. Тун Цинхэ задыхался. Он обхватил плечи Цзян Шаочжи. На его скулах расплзся светло-розовый румянец.

Цзян Шаочжи подтолкнул его во рту и отпустил. Он встал под душ, чтобы умыться.

Тун Цинхэ смутно видел движущуюся фигуру. Цзян Шаочжи повернулся к нему спиной. Видимость постепенно стала шире и яснее. Тун Цинхэ было жарко в глазах. Он пробормотал, закрыл глаза, подёргивая ресницами, и собрался толкнуть дверь, чтобы выйти.

Цзян Шаочжи потянул его руку назад. Тун Цинхэ испугался. Он вынужден был признать

превосходство альфы, обусловленное врождёнными факторами.

— Дядя, я был неправ. Открой дверь и выпусти меня.

Цзян Шаочжи рассмеялся, прищутив глаза. Его голос был низким и опасным.

— Не это.

Глаза Тун Цинхэ тут же наполнились слезами. В конце концов, он пожинал плоды своих действий:

— Па-папочка, выпусти меня.

Цзян Шаочжи нежно улыбнулся:

— Хороший малыш. Папочка тебя пожалеет.

Тун Цинхэ:

— ... — Его рука, вытиравшая глаза, замерла в воздухе. Невозмутимое спокойствие альфы заставило его сердце вспыхнуть, сжигая всё.

На этот раз Тун Цинхэ решил стать плохим мальчиком.

<http://bllate.org/book/4/93>